

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

**Рецензия на монографию
«Ритм прозы от Карамзина до Чехова»
(Под ред. Г.Н. Ивановой-Лукьяновой.
М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. 336 с.)**

В предвоенное время началось и завершилось в начале XXI в. оформление новой филологической школы — научного сообщества изучения ритма прозы под руководством д-ра филол. наук, проф. Г.Н. Ивановой-Лукьяновой. Ее заслугой является выработка приемов поиска и анализа ритма прозы — *неритмической* прозы, стоящей на границе, по другую сторону которой находятся произведения ритмической прозы с четко ощутимыми поэтическими приемами, например, у А.С. Пушкина или М. Горького и др. Школа изучения ритма прозы (художественной или публицистической) обследует тот прозаический материал, в котором мы, обычные читатели, не подозреваем попыток к сближению с поэзией или намека на нее.

Монография «Ритм прозы от Карамзина до Чехова» под редакцией проф. Г.Н. Ивановой-Лукьяновой, кроме обширного введения и разделов «Опыт объяснения ритма православных текстов», «Ритм пейзажных описаний в исторической перспективе», «Ритм прозы и перевод», включает в себя основную часть: десять разделов, посвященных ритмам прозы Н. Карамзина, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова, главу о «ритме описания девушки Лизы в русской классической литературе», куда вошли сравнительные материалы о ритме образов бедной Лизы у Карамзина, Лизаньки/Акулины в «Барышне-крестянке», Лизаветы Ивановны в «Пиковой даме» Пушкина, образа Лизы Калитиной из «Дворянского гнезда» Тургенева. Кроме того, монография содержит библиографический список «научных трудов по исследованию ритма прозы в рамках школы Г.Н. Ивановой-Лукьяновой», включающий 83 работы.

Постановку проблемы о ритме прозы в филологии Галина Николаевна связывает с именем своего учителя М.В. Панова — ее научного руководителя во время учебы в аспирантуре Московского городского педагогического

института им. В.П. Потемкина (далее — МГПИ), находившегося тогда поблизости от теперешнего МГПУ — в Ростокине. Панов начал заниматься темой «Ритм прозы», будучи студентом МГПИ (он поступил в вуз перед войной и после окончания учебы в 1941 г. в офицерском звании ушел на фронт; после войны несколько лет учительствовал в школе, а потом поступил в аспирантуру МГПИ).

В предвоенные годы в МГПИ выходил научный студенческий журнал, который печатали на пишущей машинке. В нем впервые была опубликована статья «Ритм прозы», вызвавшая положительные отзывы преподавателей-филологов — старших коллег по пединституту, среди которых был замечательный филолог, полиглот А.М. Сухотин, руководитель студенческого лингвистического кружка. Панов вспоминает: «Когда я напечатал свой “Ритм прозы”, то Алексей Михайлович поместил в стенгазете рецензию на этот журнал и на мою статью, и про меня написал так (отчасти ничего, отчасти обидно): “Панов умеет думать (*смеясь*¹), но не умеет доказывать свою мысль”» (Беседы с М.В. Пановым // Жизнь языка. М., 2001. С. 484, 500). Панов продолжает рассказ о судьбе научной темы: «<...> Когда через два десятилетия у меня появилась первая аспирантка Галенька Иванова (тогда она была Лукьянова), я ей дал с замиранием сердца (потому что сам хотел написать) тему “Ритм прозы”» (Там же. С. 500).

Что обеспечило успех исследованиям Галины Николаевны? К изучению темы она приступила с начала 1960-х гг., в 1968 г. сформулировала приемы оценки ритмичности текста (Иванова-Лукьянова Г.Н. О ритме прозы // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1971. С. 292–301). Ритм прозаической речи, писала она позже, создается взаимодействием трех элементов: *ударения* в такте, во фразе, в предложении (т. е. в словоформе, в синтагме и в фонотексте²) — чем равномернее распределены ударения в сегментных и суперсегментных частях, тем ближе ритм текста к идеалу. То есть для восприятия лучше, когда слоговые интервалы между ударениями, их периодичность регулярнее: «Текст воспринимается как ритмичный, если эти характеристики показывают высокую степень регулярности чередования ритмообразующих единиц. За образец такой степени их ритмичности мы приняли низкий процент отклонения от абсолютного чередования. Чем больше число отклонений в той или иной характеристике, тем меньше степень ритмичности текста; и наоборот: художественный текст с небольшим числом отклонений воспринимается как наиболее ритмичный» (Ритм прозы от Карамзина до Чехова: монография / под ред. Г.Н. Ивановой-Лукьяновой. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 12–13).

¹ Курсив в скобках — ремарка участников беседы с Пановым.

² О том, как Г.Н. заменила прежние термины *такт*, *фраза* на нынешние *слово* (*словоформа*) и *синтагма*, см.: Ритм прозы от Карамзина до Чехова: монография / под ред. Г.Н. Ивановой-Лукьяновой. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 12.

Вторая составляющая в комплексном определении ритма прозаического текста — колебание числа словоформ в синтагме (или, как пишет Иванова-Лукьянова, амплитуда колебания числа тактов во фразе): чем равномернее распределены паузы между синтагмами, тем ближе читателю идеальное ощущение ритма; лучше, когда разница между количеством словоформ в соседних синтагмах не превышает двух.

Третья характеристика ритму дается соотношением восходящих и нисходящих тонов в синтагмах: здесь определяется процент идентичных смежных восходящих и нисходящих направлений тона. Берется в расчет частота сочетаний восходящих тонов с низкими тонами (так определяется волновой характер интонации): «Таким образом, ритм прозаической речи диктует ей свои законы, и настоящие мастера слова используют его как средство эмоциональной и художественной выразительности» (Там же. С. 128).

А каково соотношение ритмических показателей в фонотексте? Вот что пишет Иванова-Лукьянова на рубеже 1960–1970-х гг.: «Так как каждый показатель дает представление об отклонении от идеала, т. е. от идеальной периодичности сравниваемых регулярных единиц, то сумма всех показателей... должна быть предельно небольшой в тексте с высокой ритмической организацией. На ее величину может оказать влияние один показатель, могут два, а могут все три. Это значит, что ритмическая стройность текста может создаваться даже какой-то одной из трех характеристик. Иначе говоря, ритмическая проза может отличаться от неритмической либо небольшой разницей всех или большинства рассмотренных характеристик, или значительной разницей одной-двух характеристик» (Там же. С. 35–36). Вспоминая слова А.М. Сухотина, сказанные им по поводу студенческой статьи Панова о ритме, Михаил Викторович признает: «Когда Галя Лукьянова³ написала свою диссертацию, то она написала лучше, потому что она умела и думать, и доказывать свою мысль... Она блестяще написала диссертацию» (Беседы с М.В. Пановым... С. 501, 500).

Научная школа Г.Н. Ивановой-Лукьяновой состоит в основном из воспитанников Московского государственного лингвистического университета, причем основные частнометодологические положения в работах, посвященных изучению ритма прозы, очень близки. При этом у читателя нет впечатления повторяемости и не пропадает интерес при знакомстве с их трудами, потому что качество материала для исследования очень разнообразное — разные писатели и произведения различных стадий их творчества. Во-первых (и в этом заслуга Г.Н. Ивановой), она видит зависимость прозаического ритма от многих факторов: общественно-политических условий жизни общества (в течение XIX в.), положения в нем автора — вплоть до душевного состояния автора и героев и т. д., например, «Ритм произведений Л.Н. Толстого в описаниях разных периодов жизни человека» — мир детства в повести «Детство», зрелость («Крейцера соната» в ее фрагментах «Обнаружение пропасти —

³ Девичья фамилия Галины Николаевны.

первые ссоры», «Герзания ревности», «Убийство»), преддверие смерти («Смерть Ивана Ильича» во фрагментах «Спротивление», «Обзор жизни», «Трансценденция⁴»).

В наше время немало исследователей ритма прозы и, конечно, в ходу не одна методика изучения этого явления. О многочисленных ученых и научных трудах о ритме прозы можно прочитать в книгах «Ритм прозы от Карамзина до Чехова» (2017), «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990) и др.

В завершение приведем слова Г.Н. Ивановой-Лукияновой, посвятившей ритмологии (и другим научным разысканиям) более чем полувековой путь: «Моя научная связь с М.В. Пановым никогда ее прерывалась. Несколько раз он призывал меня продолжить работу по ритму, привлечь аспирантов и показать, как исторически меняется ритм в русской прозе, говорил, что это важно для понимания развития литературного языка... Я долго словно не слышала этого призыва, пока однажды не застала М.В. в постели, ослабевшего после больницы. И снова зашла речь о книге, которую я должна написать. Тогда я пообещала сделать эту работу... Учитель улыбнулся... Жить ему оставалось не больше месяца» (Ритм прозы от Карамзина до Чехова... С. 6). М.В. Панов скончался в ноябре 2001 г. Книга была завершена через 15 лет. Особенно интенсивно, судя по списку литературы, работа над монографией шла после кончины Учителя... Она и посвящается Михаилу Викторовичу Панову.

Ж.В. Ганиев

⁴ То есть (лат.) «нечто, недоступное познанию, находящееся за пределами всякого возможного опыта». Глава о Л.Н.Толстом в монографии принадлежит И.Н. Ребровой.